

Лилит

РОЖДЕНИЕ МАСТЕРА

Гросс Максимус

Один шаг в трещину мира

Гросс Максимус

Лилит. Рождение Мастера

<https://litres.ru/73975964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вода стекает по плечам, смывая пот и дневную усталость, но она бессильна против зудящих мыслей о декларации за прошлый квартал — они въелись глубже любой грязи. Я стою в душе, кожей впитывая тепло каждой капли. Пока рассудок вязнет в вычислениях, рука инстинктивно тянется к мылу, вытесняя автоматику цифр механическими действиями. И в этот момент я понимаю: апостолы, допрашивавшие Иисуса расспросами о том, где взять монету на земную пошлину, стояли в точно таком же душе, только под ногами у них был раскалённый песок, а вместо мыльной пены — едкая пыль неисчислимых дорог. Мы все — эманации Единого, Искры, рождённые сиять в безграничной Плероме. Но вопреки этому заперты здесь, чтобы высчитывать бесконечные проценты в тесной ванной. Пожалуй, это и есть самая изощённая ловушка Архонтов — заставить твою Божественную суть служить бухгалтером собственной плоти.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гросс Максимус

Лилит. Рождение Мастера

Пролог

Вода стекает по плечам, смывая пот и дневную усталость, но она бессильна против зудящих мыслей о декларации за прошлый квартал — они ввелись глубже любой грязи. Я стою в душе, кожей впитывая тепло каждой капли. Пока рассудок вязнет в вычислениях, рука инстинктивно тянется к мылу, вытесняя автоматику цифр механическими действиями. И в этот момент я понимаю: — апостолы, донимавшие Иисуса расспросами о том, где взять монету на земную пошлину, стояли в точно таком же душе, только под ногами у них был раскалённый песок, а вместо мыльной пены едкая пыль неисчислимых дорог. Мы все — эманации Единого, Искры, рождённые сиять в безграничной Плероме. Но вопреки этому заперты здесь, чтобы высчитывать бесконечные проценты в тесной ванной. Пожалуй, это и есть самая изощрённая ловушка Архонтов — заставить твою Божественную суть служить бухгалтером собственной плоти.

Глава первая

Инициация

Горячая влага бьёт в затылок, пытаюсь вымыть из меня нагар прожитого дня. Тщетно. Струи бессильны против цифр. В голове заезженной пластинкой скрежещет отчет за прошлый квартал. Налоги. Субаренда. Кесарю — кесарево. Я зазмуриваюсь, но вместо золотого сияния Плеромы перед глазами всплывает бесконечная сетка таблицы Excel. Вот он, настоящий ад: не котлы с серой и черти, а монотонное высчитывание процентов внутри собственной черепной коробки. Архонты не приходят с вилами, они являются с квитанциями ЖКХ (откуда я это слышал?). Провожу ладонью по скользкому кафелю и чувствую сквозь его ледяное сопротивление густую пелену пара.

— Я лох? — спрашиваю пустоту. Голос вязнет в шуме потока, не дождавшись ответа. Тишина кажется издевательски плотной. Где-то там, в апокрифах, которые я глотал по ночам, Иисус говорил, что мы Искры Света, но прямо сейчас я ощущаю себя просто мокрым куском мяса, по уши задолжавшим государству и банку. Его ученики наверняка испытывали то же самое: вытряхивая песок из сандалий, лихорадочно прикидывали, хватит ли им динариев на ужин, пока Учитель вещал о Царстве. Смотрю на свои ладони. Пальцы мелко дрожат — то ли от переизбытка кофеина, то ли от предвкушения того, что я запланировал на этот вечер. Облизываю губу. Солёная капля обжигает язык. «Своя воля или чужая? Что я выбираю на самом деле?» — мысль всплывает на поверхность, словно из ниоткуда. Резко выкручиваю кран.

Внезапное безмолвие наотмашь бьет по ушам. Пар медленно оседает на зеркале, скрывая моё отражение, будто аватар Яна уже начал стираться из этой реальности. Пора вытираться и переходить к более... антикосмическим делам.

Я выхожу из ванной. Ламинат под ногами кажется чересчур искусственным — словно под ним не бетон, а слои старого кода. В комнате пахнет пылью и вялой травой - обычный запах жилья, которое медленно переваривает своего хозяина. Взгляд падает на стол.

Стоящая на нём лампа гудит на грани слышимости, издавая тонкий, изматывающий звук, похожий на писк комара — переростка. В этом монотонном гуле мне чудятся голоса тех самых последователей: их споры о том, кто займет первое место в Царстве и сядет ближе к Богу, чьей женой станет женщина после воскресения..., их страх перед грядущим. Они тоже боялись. Поверхность стола от вывески за окном залита неоновым отражением, сверху лежит квитанция ЖКХ. Сумма за отопление пульсирует в глазах, как битый пиксель. Нужно всего лишь коснуться сенсора, слить остатки баланса и почувствовать это серое, вакуумное облегчение «правильного человека».

Я опускаюсь на стул и он принимает меня с вязкой, почти плотоядной готовностью. Мой взгляд лениво, по инерции, мажет по светящемуся монитору, но соскользнув с экрана, внезапно замирает, остановившись между жирным шриф-

том квитанции и неровным краем белого листа, торчащим из-под неё...

Мой недавний поступок сейчас показался мне чужим, словно подсмотренным со стороны. Зачем я сделал это? Внятного ответа не было. Мной двигало не отчаяние, а скорее пограничное, лихорадочное любопытство — смутное желание проверить реальность на прочность, столкнуть унылую логику быта с чем-то иррациональным. Я выводил эти линии осознанно, фиксируя каждое движение ума — как своего рода эксперимент над собственной психикой. Но эта мнимая философская отстранённость была зыбкой. Пока рука нервно вычерчивала штрихи, внутри нарастало глухое, липкое сопротивление. Интуиция кричала, что я заигрываю с опасной пустотой, но я упрямо продолжал, балансируя на этом болезненном рубеже между «надо остановиться» и «хочу увидеть, что будет», а закончив, поспешно накрыл лист бумажным хламом. Не из страха — просто эта геометрия нарушала внутреннее равновесие, которое я так отчаянно пытался сохранить. Я думал, что контролирую ход своих мыслей. Но игра в исследователя только начиналась, и её правила переписывались прямо сейчас...

Сознание зависает на тонком лезвии между привычным бытом и чем-то хтоническим, опасным — тем, что дышит из-под слоя бюрократической пыли. Неровный край белой

бумаги начинает колотить и пульсировать риском, квитанция давит сверху, требуя окончательного предательства. Я чувствую, как в висках начинает молотить — тяжёло и неритмично. Реальность вокруг истончается, становясь прозрачной и ненадёжной. Тишина в квартире настолько плотная, что я слышу, как сохнут капли воды на коже, лопаясь с едва уловимым звуком мембран. Кажется, что стоит сдвинуть счета — и я изменю химический состав воздуха в этой комнате. Ловлю себя на безумной мысли: если я на долю секунды закрою глаза — мир вокруг просто рассыплется в прах.

Прошлое и настоящее сминаются, сталкиваясь в одной точке и я начинаю ощущать себя в бесконечном зеркальном коридоре...

Слышу ЕЁ шепот: он звучит отовсюду и одновременно внутри меня. Тело превращается в поле боя, будто что-то непонятное пытается удержать в узде мою плоть. Но Искра уже зовёт синим пламенем, готовая сжечь дотла эту реальность ради одного взгляда в Бездну.

Секунда. Другая. Тяжелое дыхание заполняет пространство. И моя рука, будто подчиняясь какому-то подсознательному ритму, начинает медленно сдвигать чек, обнажая суть происходящего. Каждый микрон этого трения бумаги о стол растягивается в симфонию крушения. Под ним — лист.

Чёрный маркер.

Запретные линии.

Сигил Лилит.

Я замираю. Всё ещё влажный, но капли воды на спине теперь впиваются холодными инъекциями. Платёж лежит в сантиметре от знака. Две реальности на одном столе — границы между ними плывут дрожащим маревом. Ум отчаянно цепляется за квитанцию — она понятная, она безопасная, словно мягкая обивка психиатрической палаты. Но взгляд уже вязнет в антрацитовых чернилах.

Контуры сигила

больше...

НЕ СТАТИЧНЫ...

В полумраке они начинают шевелиться, изгибаться, точно тёмные черви в сиропе. От них тянет чем-то таким, от чего сводит низ живота — не человеческой страстью, а липкой, электрической сексуальностью самой Пустоты. Это не «картинка». Это жажда обладания тем, у чего нет формы. Внизу живота начинает ныть от желания, переходящего в нервное возбуждение. Лилит не манит — она транслирует суть твоей недостаточности. Ты смотришь на знак, и кажется, что изгибы расширяются, превращаясь в бездонные зрачки. Они сканируют Искру, выискивая в тебе каждую трещину. Моя рука висит в миллиметре от листа, от него исходит жар перегретого процессора. Внутри всё скручивается в тугий узел, где каждая клетка вопит о безопасности, о том что нужно просто оплатить счёт и лечь спать. Но Искра уже бьётся о ребра, требуя коснуться запретного тёмного пламени. Воздух становится густым, его трудно проталкивать в лёгкие. Он гор-

чит озоном и жжёной изоляцией.

Меня начинает трясти. Мелкий озноб пронзает колени, а в висках начинает молотить тяжёлый ритм, словно сама матрица пульсирует, пытаясь удержать целостность картинки. Предметы дwoятся, дубовая столешница просвечивает сквозь чек, растворяясь в угольных линиях знака. Этот сюрреалистичный сдвиг давит на глаза, вызывая тошноту и дикое желание исчезнуть. Внезапно, помехой в кадре, в поле зрения попадает бутылка виски. Она притаилась в тени за краем освещённого круга, как случайная деталь интерьера о которой забыли. Стекланный бок ловит блик неона и этот холодный свет на мгновение кажется реальнее всего остального. Медленно, словно наводящая резкость камера, я переношу на неё фокус.

Бутылка — это якорь, единственный способ не рухнуть в воронку на столе. Ладонь тянется к ней по инерции изношенного механизма, в поисках спасения в старой доброй анестезии. Она обещает выключить невыносимую, гудящую частоту Лилит. Но когда кожа касается холодного стекла, приходит последнее осознание — это просто ещё один слой симуляции. Пальцы смыкаются на горлышке, но вместо спасительного холода в ладонь впивается раскалённая плазма. Бутылка теряет вес, становясь линзой, через которую мир начинает идти трещинами, янтарная жидкость закипает, превращаясь в густую, маслянистую тьму. Игнорируя гравитацию, она ползёт вверх, нефтяными нитями обвивая запястье

И в ЭТОТ МИГ стены комнаты осыпаются пиксельным пеплом...

Стол, квитанции, тени — всё растворяется в пустоте под пульсирующими венами фиолетового неона. Тяжёлый ритм в висках тонет в низком, утробном гуле.

Виски, текущий по коже, становится горячим, как жертвенная кровь. Каждая капля расцветает в вакууме фрактальным цветком из кости и пурпурного бархата. Больше нет опоры, я подвешен в пространстве, где само «я» — лишь помеха на пути великого тока.

И тогда проявляется Она.

Не из темноты — из **МОИХ СОБСТВЕННЫХ ЗРАЧКОВ.**

Её ладони, сотканые из дыма и непроизнесённых желаний, ложатся поверх моих. Это прикосновение не имеет веса, но оно прошибает позвоночник током такой силы, что боль аннигилирует в чистый кристаллический экстаз. Лилит вдыхает мой выдох, и само имя «Ян Смирнов» будто начинает вымываться из памяти, оставляя лишь звенящую оболочку. Бутылка в руках вспыхивает и рассыпается мириадами чёрных бриллиантов.

Ритуал начинается.

Я не ищу анестезии — я вдруг сам становлюсь чашей, которую Она подносит к губам.

— Пей меня, — приказывает бездна Её голосом, звучащим прямо в костях. Граница между моим телом и Её бездонным голодом стирается. Это не близость, это перепрошивка моей сути, где каждый стон — код, разрушающий остатки симуляции.

«Я жажду Тебя, Лилит», — шепчу я, и в этом признании больше правды чем во всех моих попытках быть "крутым парнем", "исправным гражданином" или "духовным искателем". Она медленно начинает меня истязать, натягивая нервы точно струны, и даря одновременно такое запретное удовольствие, от которого хочется выть. Каждая клетка вибрирует на грани взрыва, это экстаз замедленного действия. Ещё немного, и я буду не в силах сдерживать этот сок жизни, эту силу запертую в белковой массе. Её смех вибрирует в костях, пробуждая первобытную дрожь. Лилит не отстраняется, она приникает ко мне, вжимаясь всем своим несуществующим, но до боли ощутимым телом в мою дрожащую оболочку.

— Ты хочешь исчезнуть, Ян Смирнов? — Её зов теперь звучит отовсюду, из каждой трещины в реальности.

— Как это просто. Как по-человечески — сбежать в огонь, когда не справляешься с холодом. Я жадно впитываю Её слова — как путник, который ловит первый глоток воды в пустыне. Она ведёт острым ногтем по груди, медленно рассекая ткань реальности и мою кожу. Я выгибаюсь навстречу, задыхаясь от лихорадочного удовольствия. Это не боль. Это оргазм души, которую выворачивают наизнанку!

Её бедра, обжигающие и упругие, вжимаются в мои, и я ощущаю пульсацию этой силы каждой клеткой. Это край Бездны, где само существование истончается до прозрачной плёнки.., и я стою на пороге этого великого «Ничто», а сладкий шёпот растворения уже тянет меня за грань, обещая покой в вечности. «Я» превращается в точку, в бесконечно малую искру, готовую погаснуть... Но в это последнее мгновение, когда холод небытия уже начал касаться сердца, я вдруг ощутил не покой... а удушье! Тишина бездны вдруг сомкнулась клеткой, лишая меня даже права на вдох, а всепоглощающая сладость обернулась тошнотворным осознанием: если я исчезну сейчас — меня никогда не существовало. Я пытаюсь найти хоть какое - то оправдание и именно в этот момент, в судороге поиска, во мне концентрируется стремление **МОЕГО ПРАВА БЫТЬ!** Я цепляюсь за собственную личность, как за обломок мачты в бушующем океане этой первородной мощи. Впиваюсь сознанием в биение пульса и превращаю его в метроном реальности. Каждый вдох — осознанный акт воли, якорь, брошенный в пылающую пустоту. Чтобы не позволить себе стать лишь тенью в этом сиянии, я воздвигаю внутри бастион из воспоминаний, запахов и боли. Это даёт мимолётную передышку и шанс не раствориться в этом беззвучии эха, превращая моё сопротивление в танец на лезвии бритвы, в отчаянную попытку отдаваясь захлестнувшему экстазу, не дать ему выжечь мою Суть. Я смотрю в Её ослепительное пламя, не закрывая глаз. Позволяю ему

плавить кожу, но сохраняю холодное, твёрдое зерно истины в самом центре моего сознания.

Я здесь. Я есть.

Но Искра была слишком горячей для неокрепшего человеческого сосуда..

Лилит, словно устав от моей игры в стойкость, коснулась меня — и мир мгновенно пошёл трещинами. Метафизический восторг разбился о Её ледяную волю; меня вышвырнуло из ослепительного «Нигде» обратно — в тесную, душную темницу из плоти и костей. Всё вернулось на свои места. Тело пронзила боль, словно из меня стали вымывать свинец, заливая раскалённое серебро. Пульс начал колотить в висках, отзываясь вспышками багровой боли. Перед взором поплыли кровавые круги, а воздух битым стеклом, проникая внутрь, резал гортань.

Это была ломка на клеточном уровне. Его застарелые шрамы — физические, и те что глубоко внутри, горели под Её клеймом. Так Она выжигала из него раба. В нём корчились и обращались в пепел копившиеся десятилетиями страхи, — детский трепет перед неизвестным, взрослая неуверенность в себе и годами взращиваемая привычка сомневаться в каждом шаге. Процесс походил на экзорцизм, где демоном было его собственное прошлое. Он прижался лбом к холодной стене, жадно ловя ртом колючий воздух. Каждая вспышка

страдания подтверждала, что он всё ещё здесь!

Ян рухнул на колени. Звук удара костей о паркет отозвался выстрелом. Он не пытался подняться — сейчас это было выше человеческих сил. Пальцы судорожно скребли пол, пытаясь удержаться за земную твердь, уходящую из-под ног. Боль перестала быть ощущением — она стала субстанцией. Густой едкой кислотой она текла по жилам, разъедая всё, что он привык считать собой. Внутри мозга рвались прежние связи: нейронные нити, годами сплетавшиеся в узлы страха и вины, лопались с сухим треском!

— Слишком... много... — выдавил он сквозь зубы чуждым звуком, переходящим в рык. Сенсоры были перегружены. Лилит распахнула в нём двери, к которым он не был готов, и теперь реальность хлынула внутрь неуправляемым потоком.

Это была цена за право не стать марионеткой.

— Дыши, мой маленький бастион, — внезапно прошелестела Она, и судорожный вздох застрял в его горле. Пересилив онемение, Ян разжал кулаки и медленно поднял голову.

— Встань, — Её голос не был громким, но он провибрировал в каждой кости, заставляя мышцы сокращаться против воли.

— Бастионы не строят, лёжа в пыли. Ян захлебнулся вдохом. Лилит сделала шаг назад, создавая дистанцию, — хо-

лодную непреодолимую пропасть, которую он обязан был перешагнуть сам.

Внезапно боль сменилась невыносимой тяжестью, словно на плечи опустили свод небес.

— СТУПНИ... — Звук сорвался с его губ не криком, а гулким подземным выдохом. Ян впервые почувствовал свои ноги не частью тела, а монументальным фундаментом. И в ту же секунду хаос обрёл жёсткую структуру. Страх выгорел, уступая место ледяному осознанию, — чтобы не быть раздавленным нужно самому стать прессом! Ян перестал сопротивляться давящему весу. Он принял его, делая своей основой. Ноги стали врастать вниз, пробивая паркет, бетон и саму земную кору! В нём больше не оставалось ни полета, ни боли — только чудовищная, гранитная верность этой земле.

— Стоять, — выдохнул он, и это больше не было стоном. Оно стало приказом материи. Ян чувствовал, как внутри него кристаллизуется нечто тёмное и тяжёлое. Это не было даром Лилит в привычном смысле — это была Её тень, ставшая его позвоночником. Нахемот — младшая сестра первородной ночи — отозвалась в крови глухим, утробным рокотом. Она не спасала его. Она структурировала хрупкую человеческую душу чёрной геометрией Бездны. Эта клипотическая сила, рождённая из осколков несбывшегося творения, стала прорастать в нём не благословением, а абсолютным отрицанием слабости. Психика Яна, еще мгновение назад требовавшая по швам, обретала монолитную стабильность кам-

ня. Страх не исчез — он просто потерял стержень. Каждый атом тела теперь весил тонну, но этот вес больше не давил к земле — он делал его непоколебимым. Он поднял взгляд. Пропасть между ними всё ещё была, но теперь он видел не пустоту — он видел чертёж.

Изнаночные линии Нахемот прочертили сквозь него идеальные, безжалостные векторы, роднящие его с Ней. Это была единая архитектура их хтонической природы, где одна сила лишь продолжала и завершала замысел другой.

— Я не бастион, — прозвучал он скрежетом стали.

— Я — то, на чём этот бастион будет стоять. Она ждала первого движения — того шага, что оставит трещину в самом основании мира. Стиснув зубы, Ян толкнул себя вверх. Огрубевшее дерево косяка пропорол ладонь, но физическая боль стала точкой опоры. Тело, дрожащее от колоссального напряжения, из «клетки» превратилось в инструмент сопротивления. Когда он наконец выпрямился его шатало, а перед глазами всё ещё плясали багровые пятна, но он стоял! Ян посмотрел в Её бездонные глаза, и в его взгляде больше не было страха.

— Я... ещё... здесь, — прохрипел он, выплёвывая слова вместе с привкусом меди на языке.

— И я не горю...

Он смотрел прямо в эту ледяную глубину, с вызовом со-

зерцая Её величие и не отводил глаз.

В этом жесте было приглашение, и это было приглашение продолжать...

Лилит видела их слишком часто — сломленных, выжженных дотла, чьи души превратились в серый пепел. Но этот человек был другим. Он не прошёл через ад — он притащил его в себе, заперев под рёбрами как дикого зверя. Это было первобытное, колючее человеческое упрямство, которое не просит пощады, но требует сатисфакции, пугая этим даже своих палачей.

Зрачки Лилит едва заметно расширились. Она чуть наклонила голову — и впервые за вечер в Её взгляде промелькнуло уважение. И в этой затянувшейся паузе, в её глазах, ловивших когда-то отсветы гаснущих звезд, проступило нечто большее — УЗНАВАНИЕ.

Ян не ответил словами. Он выпрямился, хрустнув суставами, и сделал свой первый дерзкий шаг в эту запретную зону, накрыв тенью своей изломанной фигуры Её безупречное лицо. В этом сближении не было страсти — только сталь и безмолвное признание. Он шёл навстречу, как идут на остриё копья, движимый лишь одним стремлением - быть сопричастным. Это был его вызов, рождённый из высшего преклонения. Воздух между ними стал плотным и едким, как перед ударом молнии. Сделав этот шаг, он безмолвно заявлял о своём праве быть здесь, отвечая собственной дерзостью на ту искру уважения, что наконец разглядел в Её гла-

зах.

Лилит не шелохнулась, она как и прежде стояла, позволив тени коснуться себя. В этой образовавшейся тишине было слышно лишь рваное, хриплое дыхание Яна. Она не ударила его болью снова. Вместо этого Она выбрала нечто более опасное - приняла его вызов. Лилит медленно подняла руку и кончиками пальцев коснулась собственной щеки — там, где пролежала граница его тени..., и ему показалось, что Её глаза на мгновение вспыхнули живым человеческим блеском. Это было похоже на тонкое предвкушение, как намёк на нечто ещё неоформленное.

Лилит рванулась вперед и пространство между ними сжалось до трепета молекул! Она обхватила его лицо ладонями — властно, почти отчаянно!

Ян замер, ослеплённый.

Вблизи её красота перестала быть совершенством — она стала стихией! Он увидел перед собой ту самую Первую Женщину, сотворённую не из праха, а из сияния новорождённых звезд, и бархата бесконечной ночи. Её кожа лучилась мягким, едва уловимым светом, а в чертах лица читалась гармония, предшествовавшая самому мирозданию.

— Раз ты жаждешь стоять так близко, — выдохнула она прямо в его губы, и её дыхание, пахнущее грозой и ночными цветами, на мгновение сделало божество досягаемой, беспощадно желанной женщиной,

— Смотри !

Мир вокруг Яна рухнул. Стены зала, холод камня, запах крови — всё исчезло, вытесненное этой сокрушительной близостью! В него хлынул поток Её сознания, это было испытание единством!

Лилит транслировала ему не образы, а чистую пульсацию бытия, — крик зарождающихся звезд, агонию великих империй, и ту густую благословенную Тьму, что царила до первого слова Творца!

Его «я», смешиваясь с Её ледяной вечностью, стало плавиться, мышцы натянулись до предела, и не в силах больше сдерживать это невыносимое напряжение, Ян выдавил из горла хриплый, надрывный стон, в котором ужас, смешиваясь с восторгом, превратились в оголённый провод, по которому Лилит пустила ток своей бесконечности.

— Чувствуешь? — Её губы скользнули по его уху, и этот шёпот обжёг сильнее, чем раскаленное железо.

— Твоя воля — искра в моем пожаре. Попробуй не сгореть, когда я стану тобой, — Её голос, с едва уловимой вибрацией, разрушая его внутренние преграды, прошивал насквозь. Это звучало как предсказание.

Он выставил руку, упираясь ладонью в пустоту, словно выстраивая невидимую стену. Но даже сквозь закрытые веки он видел Её — не как образ, а как пульсирующую в его венах истину. Власть Её превосходства не просила внимания — она забирала его по праву сильного, как океан забирает обломки от кораблекрушения.

Ян почувствовал как Её пальцы — невесомые, прохладные, словно лепестки ночной лилии — едва коснулись его затылка. И в этом мимолётном жесте было больше эротизма и власти, чем в самом яростном объятии! Он задрожал, чувствуя, как воля уже окончательно вытекает из него, превращая в неконтролируемую страсть и покорность. Сопротивление переплавлялось в агонию, а страх — в последнее, самое порочное наслаждение.

Она склонилась к нему, и мир окончательно сузился до её лица, став воплощённым ответом на каждый неосознанный зов его души, живым мифом, сотканным из Света и Тени. В Её чертах читалась та запредельная, божественная симметрия, которую люди веками искали в мраморе статуй и созвездий, но находили лишь здесь, в этой пугающей и безупречной плоти. Ян смотрел на неё с религиозным ужасом, узнавая в изгибе Её губ все свои потаённые сны. Она была тем самым запретным плодом, который он жаждал сорвать ещё до того, как научился дышать.

Его прошлое желание и восторг перед Ней сменилось теперь в одержимость мученика. Лилит становилась для него алтарём, на котором он сам, добровольно и с небывалым извращённым восторгом, приносил себя в жертву, его личным божеством — жестоким, прекрасным и единственным! Всё его естество кричало лишь об одном - неважно, что будет в финале, лишь бы эта агония близости длилась вечно! Она видела, как он тонет в Её глазах, как его воля, лишаясь по-

следних опор, окончательно рассыпается прахом у Её ног.

— Ты ведь сам этого искал, Ян, — прошептала Она, и эти слова пробуждая всё то что он так долго подавлял, эхом отразились в самой глубине его памяти. Её губы, обжигая холодом и жаром одновременно, почти коснулись его уха, заставляя мир вокруг него внезапно померкнуть.

— В каждом лице. В каждом закате. В каждой боли. Ты искал Меня...

На мгновенье Она отстранилась, протянула руку и медленно с мучительной неторопливостью, обвела контур его лица.

Ян затаил дыхание, боясь спугнуть этот миг — своё высшее оправдание и одновременно окончательный приговор. Она была его персональным Раем за воротами которого ревели пламя Преисподней, и каждое Её движение — наклон головы, тяжесть рассыпавшихся по плечам иссиня-чёрных волос, глубокий вздох, казались ему священным откровением. В эти секунды он видел в Ней самую Суть, ту запредельную истину, к которой стремится всё живое в своем жалком желании стать чем-то большим.

Её безупречность была невыносима..

Но в этой пустоте, на самом дне унижения, в нём вдруг вспыхнула единственная доступная ему истина: он не обязан быть равным богу, чтобы перестать быть рабом! Если он не мог устоять перед Её совершенством, он мог направить свою ненависть на собственную слабость!

И эта злость на самого себя, острая как лезвие бритвы — стала его единственным оружием. Она вскипела в нём чёрным ядом, отравляя само поклонение, которое ещё секунду назад казалось ему единственным смыслом. И в этот миг, когда его «я» уже готово было рассыпаться в прах, внутри сработал аварийный клапан.

— Нет... — выдохнул он, и это слово было похоже на выплеск крови из перебитого горла!

Ян рванулся назад, буквально выламывая себя из пространства Её воли, словно выдирая живую кость из сустава! И тишина, в которой он годами копил знания, вдруг треснула, и в череп набатом стало врываться всё то чем он жил до этой встречи!

Миллионы слов, дремавшие на кладбище книжных страниц, вдруг обрели плоть и голос! Это была не просто память — это была стихийная атака, ментальный взрыв! Интеллектуальный фундамент, который он выстраивал всю свою жизнь, сдетонировал, обрушившись на него спасительным шквалом из смыслов, формул и истин!

Первым, как ледяной душ, в сознание впечатался Кришнамурти. Фраза «Наблюдающий есть наблюдаемое» вонзилась в мозг раскалённой иглой!

Ян вцепился в неё, используя как щит — он яростно выкручивал свое восприятие, пытаясь осознать, что Богиня лишь проекция его собственного духа. Он боролся с её чарами, как с ослепительным солнцем, выставляя перед собой

сухую зеркальную логику пророка. Следом, ломая сопротивление плоти, ворвался Кроули. Громовой манифест «Делай, что изволишь!» ударил изнутри, требуя суверенитета! Ян стал буквально препарировать собственный восторг хирургическим ножом воли. Он заставлял себя видеть не мистическое сияние, а совершенство биологии, — идеальный ритм пульса и безупречный пигмент кожи. Это была битва за право остаться собой, не отрицая Её величия, но превращая в объект созерцания. И тут же, перекрывая гул крови, хлынул дерзкий смех Ошо! Состояние «пустого бамбука» ворвалось в него не как покой, а как яростный вихрь. Ян судорожно карабкался на вершину «Свидетеля», заставляя себя смотреть на свою агонию и Её красоту, из точки абсолютной тишины. Это был восторг, возведенный в степень бесконечности, но лишённый рабской зависимости. Это была схватка за каждый нейрон.

Он боролся с самой природой своего желания, которое уже признавало Её своей единственной госпожой.

Она снова склонилась над ним и волосы словно шёлковый занавес рассыпались по Её белым плечам, как будто призывая его выковать из своей слабости новую силу.

— Сопrotивляйся, Ян, — выдохнула Она прямо в его губы, и грань между ними стала тоньше волоса...

Этот шёпот полоснул его сознание острее любого лезвия. Лилит видела его насквозь.

В Её взгляде не было жажды власти, лишь грациозный вы-

зов, — призыв к окончательному пробуждению.

Близость с Ней стала искрой всепоглощающего огня, выжигающего всё наносное.

— Твои стены из книжной бумаги, Ян, — Её голос прозвучал внутри его черепа.

— Ты защитился ими от Меня , но где ты сам за этими именами?

И в этот момент Ян ощутил чудовищный парадокс, — Лилит от которой он так яростно защищался, была сейчас единственным существом толкающим его к жизни. Он понял, что сопротивляться Ей с помощью учителей — значит признавать свою вечную слабость. Раньше они были для него великанами на чьих плечах он стоял, но теперь сделались тяжёлыми оковами.

Они прошли свой путь, а он на свой даже не ступил.

Она звала его пройти дальше...

И это понимание произвело необходимый щелчок!

Сознательно, с холодным и целенаправленным усилием сконцентрировавшись на своём неприятии, он стал совершать «акт внутреннего предательства», и когда через некоторое время фигуры его великих учителей стали тускнеть, он с резким внутренним выдохом оттолкнул их!

И в этот миг свет его воли перестал быть отражённым — он вспыхнул холодной искрой изнутри, потому что ему больше не на что было опереться! Он остался один на один с Бездной, и именно это одиночество стало накачивать его волю

абсолютной собственной силой.

Напряжение от трения духа о материю начало нарастать, пространство содрогнулось, реальность вдруг закоротило от этой вибрации — мироздание пыталось сдержать натиск разума, проламывающего стенки своего земного сосуда! В ответ всё естество Яна стало стягиваться в сингулярность, преобразаясь в ослепительную точку белого каления. Под этим напором привычный мир стал плавиться, стекая раскалённым воском и обнажая изнанку бытия — первозданную матрицу вселенной, ещё не скованную ограничением и формами. И из этого несуществующего центра, на пике запредельного усилия, он совершил свой последний, Сверхчеловеческий рывок!

Вспышка!

Нейронная сеть мозга годами выстраиваемая на чужих мыслях, резанула электрическим разрядом!

Мгновенный импульс расколол череп изнутри, и невидимая стена веками разделявшая логику и интуицию, свет и тьму, небо и землю, — дала трещину! Левое и правое полушария, устремившись навстречу, наконец столкнулись в экзатическом объятии, высекая искру способную зажечь новую Звезду!

И вспыхнул **ВЕЛИКИЙ ПОЖАР** !

Весь колоссальный груз его духовных скитаний, ядовитые

тайны гримуаров, хрупкая вязь парадоксов, тысячи бессонных ночей проведённых в попытках препарировать пустоту — всё это сорвалось с полок памяти! Библиотека души превратилась в гигантский ревуший ментальный горн!

СМОТРИ, КАК ЭТО ГОРИТ!

Бумага чернела и сворачивалась, словно живая кожа. Древние буквы выведенные кровью и чернилами, плавилась истекая по стенам его сознания раскалённым золотом! Цитаты, которые он носил как броню, рассыпались в прах, обнажая его беззащитную пульсирующую суть. Они больше не были костылями — они стали живым напалмом! Каждое слово, каждая концепция о «воле» превращалась в саму Волю, в яростную энергию, которая больше не нуждалась в именах.

Трансформация продолжалась...

С беспощадной точностью!

Его прошлая личность — этот вечный собиратель чужой мудрости, прячущийся за щитами из пергамента — стала захлёбываться в этом огне. Книжные полки рушились с грохотом падающих цивилизаций! Бумажный пепел заполнял лёгкие, но вместо удушья нёс невозможный кислород свободы. На мгновенье ему показались, что время — этот ледяной жнец, чей неумолимый маятник годами отсекал секунды от его жизни, вдруг само оказалось во власти пламени, и "старый надсмотрщик", постоянно державший разум Яна в клетке причин и следствий, внезапно остановился, не в силах

сопротивляться испепеляющему жару его пробуждающегося духа!

И в этот самый момент, когда полотно материи натянулось до звенящего предела, обрекая окружающую реальность окончательно обратиться в пыль, их взгляды встретились... , и скрестились!

Клинками Чистого Света!

Её грациозность больше не подавляла — Она вызывала в Нём ответный, хищный голод равного Божества!

Пространство в момент качнулось, и Изначальный Хаос вонзился в затылок Яна ледяным огнём!

Громовой разряд расколол реальность на до и после!

Хладное пламя прошило его позвоночник, полоснув в жилах первородный мощью, отражая Человека и Космос единым торжествующим Блеском!

Они столкнулись в этом ослепительном резонансе и сомкнулись, возводя восторг бытия в Абсолют!

До этого, скованный своими жалкими цепями человеческого восприятия, он был лишь рабом своих чувств, слепцом, неспособным осознать и сотой доли Её величия. Но теперь, когда его восприятие стало прозрачным и свободным, он по-настоящему ощутил Её.

Меж ними вскипели жидкое золото и азот, высвободив сверхновый разряд, в котором их ауры стали яростно биться друг в друге, взлетая по спирали вверх! В этом неистовом танце Он почувствовал, как пульсация Её силы входит в

такт с его собственным расширяющимся Сердцем, создавая ритм, которому вторит сам вакуум!

Экстаз обладания самой Бездной пронзал всё его естество, отзываясь внутри яростным напряжением, которое превращало их Соитие в раскалённый поток, вливающийся в ледяные вены Мироздания!

На этом пике запредельного наслаждения, когда Плоть и Космос слились в единый стон своего торжества, окружающий мир содрогнулся в своей последней конвульсии, и пространство окончательно сдалось, разорвавшись в Бесконечность ослепительным градом астральных осколков!

Наступила тишина — оглушительная, за пределами всех звуков.

Прежний путь вечного ученика Яна завершился здесь, в этой точке абсолютного покоя. Огонь Лилит не просто испепелил прошлое, он совершил алхимию, выжигая ложное и обнажая вечное.

И в эпицентре ещё дымящихся руин, где только что бушевал пожар инициации...

...открыл глаза Мастер.. .

Это не был холодный лик божества, под сводами новой силы сохранилось самое ценное, — живая память о каждой пролитой слезе и каждом трепетном ударе человеческого сердца. Прежний опыт не рассыпался прахом, а стал бла-

годатной почвой, из которой проросло его новое величие.

Ян медленно поднял голову. Лилит стояла напротив. В Её глазах, обычно полных абсолютной власти, вдруг мелькнула тень божественной грусти — так смотрят на то, что наконец обрело законченную форму и больше не нуждается в творце. Она видела перед собой не того раба, что трепетал от Её тени, а Человека, который выдержал пламя Хаоса и закалился в нём. Её губы тронула едва заметная, почти человеческая улыбка. Она начала отступать, и Её силуэт стал плавно терять чёткость, превращаясь в густой бархатный сумрак. Она не уходила, а впитывалась в саму ночь, растворяясь в темноте. В этом исчезновении не было прощания — лишь признание их общего триумфа. Вскоре от Её присутствия остался лишь едва уловимый аромат тёплого ночного ветерка и шлейф нежной, чувственной тишины, которая ласкала его обновленные чувства.

Ян остался один, в этой звенящей, оставленной Богиней пустоте...

Но внутри него закипало нечто новое, не описанное ни в одном гримуаре...

Это не было «просветлением» в духе чистых храмов — это была пьянящая пульсация жизни, которая требовала выхода.

Он подошёл к зеркалу, взглянул на своё отражение и едва заметно улыбнулся.

— Мастер? — тихим эхом отозвалось в мыслях.

Нет, это было слишком холодное слово.

Он просто наконец стал ЖИВЫМ!

Каждое движение теперь отзывалось в теле плотным электрическим разрядом, и кожа едва сдерживала эту бушующую внутри мощь! Это был зов самой жизни, осознавшей свою Божественную природу. В нём больше не было жажды брать или подчинять — внутри него пульсировала готовность быть, соприкасаться с этой реальностью в каждом её проявлении, от невыносимо прекрасного до самого грешного и земного. Голос Лилит больше не искушал, он звучал в унисон с ритмом планет. Ян чувствовал себя проводником, через которого Космос, пропустив свои невидимые нити, наконец-то может потрогать землю. Это было абсолютное принятие своей человеческой плоти, ставшей живым сосудом для бесконечности. Он был готов не просто творить миры, а проживать их на вкус и на ощупь. Ян взял со стола бутылку и сорвал пробку зубами. Первый глоток, смешиваясь с остатками божественного озона, обжёг горло. Ледяной огонь виски стал финальным аккордом — терпким доказательством того, что он всё ещё человек. Мир за окном, — серый, спящий, обыденный, больше не казался чужим. Теперь это было огромное, живое тело, ждавшее его прикосновения. Он вышел на балкон, подставляя лицо сырому ночному ветру. Границы его „я“ не стёрлись — они расширились до горизонта. Он был готов ко всему: к падению и экстазу, к ритуалам из крови и золота, к боли и... великой нежности.— Иди

ко мне, — негромко произнес он, обращаясь к самой ночи. И ночь послушно качнулась ему навстречу, признавая в нём своего самого порочного и самого светлого творца. Мастер наконец-то проснулся.

Глава вторая

Зрачок Мастера

Пробуждение не было мягким. Ночь, которая ещё вчера ластилась к моим ногам, отступила, обнажив после себя мир — невыносимо яркий и тесный. Потолок больше не был просто бетоном, я видел в нём каждую трещину от строителей — словно застывшую серую скуку тех, кто его возводил. Я направился в душ, чувствуя, как в костях до сих пор вибрирует „золото и кровь“, как отголосок моего вчерашнего ритуала.

Ян плеснул водой в лицо, но вместо привычной бодрости почувствовал, как капли впитываются в кожу, отдавая свою слабую, примитивную энергию — её химическая обработка теперь ощущалась как склизкая субстанция, утратившая свою свежесть.

Он поднял голову.

Зеркало над раковиной затуманило паром, но там, где застыл его взор, туман разошелся сам собой, обнажая взгляд зверя, запертого в теле бога... или бога, решившего поиграть в зверя.

За окном неутомомно суетился город, и этот обычный

утренний шум — визг тормозов, мат соседа, вперемежку с бегающими по потолку детьми, гул далекой стройки — теперь доносились до него не как звуки, а как удары тока. Каждый выхлоп машины он видел теперь как грязное, серое облако, прошивающее пространство. Город был полон боли, спешки и липкого страха не успеть.

— Тш-ш-ш, — прошептал Ян, глядя в сторону окна. На секунду гул на улице будто стих, словно кто-то на мгновение задержал дыхание, почуввав его лёгкое прикосновение.

Одеваться было странно. Старые джинсы и привычная чёрная футболка казались ему чужим костюмом, в который пытались втиснуть нечто огромное. Ткань касалась кожи, и он чувствовал каждое волокно, каждую нить, пропитанную чужой энергией швейной фабрики. Но стоило ему застегнуть куртку, как он ощутил, что его собственная сила подавляет эти мелкие вибрации.

Ян подошёл к входной двери. Тяжелая стальная ручка, которую раньше нужно было нажимать с усилием, под его ладонью стала податливой и почти теплой. Она будто сама провернулась, признавая право хозяина выйти в мир. Он шагнул в подъезд. Тишина здесь была густой и пыльной, но он знал: за дверью дома его ждет огромная, живая толпа. Та глина, из которой он сегодня начнет лепить свою новую империю.

Кофейня

Я вышел на улицу, и город принял меня как чужеродное тело. Асфальт вибрировал под подошвами, а воздух казался

слишком разряженным для моих новых лёгких. Но самым странным было не это. Я чувствовал, что мои глаза больше не принадлежат мне одному. В самой глубине зрачков, за серебристыми вихрями, затаилось Её внимание.

Лилит смотрела на этот мир через меня, как через окно...

Я ощущал её интерес как легкое покалывание в глазных яблоках. Она не вмешивалась, она просто ждала: что я сделаю со своей свободой? Кофейня на углу встретила меня колокольным звоном и запахом пережжённого робусты. Очередь была сонной и серой — люди-тени лениво передвигались, поглощённые своими заботами. За стойкой стоял парень, чья аура полыхала грязным, кирпично-красным цветом. Он швырял сдачу, цедил слова сквозь зубы и буквально излучал презрение к каждому, кто осмеливался нарушить его утренний покой своим заказом.

Когда подошел мой черед, он даже не поднял головы.

— Что надо? — буркнул он, размазывая грязь по стойке. Его раздражение ощущалось как физическая вонь — кислая и дешёвая. Я промолчал. Лилит внутри меня замерла, наблюдая. Я просто стоял и ждал, пока он, взбешенный моим молчанием, вскинет взгляд, чтобы выдать очередную порцию яда. Наши глаза встретились. В ту же секунду я почувствовал, как "серебро" в моих глазах сделало мягкий, уверенный оборот. Я не бил его своей волей, я просто... вошёл в его пространство.

Его зрачки расширились. Лицо, только что перекошен-

ное недовольством, вдруг обмякло и разгладилось, приняв странно-покорное, почти детское выражение. Вся его напускная грубость осыпалась, как сухая штукатурка. Он замер, и словно на мгновение забыл как дышать.

— Чёрный кофе. Без сахара, — сказал я. Мой голос не был громким, но он заполнил собой всё пространство между нами, вытесняя его собственные мысли. Парень судорожно сглотнул. В его взгляде не было ужаса — там было внезапное, кристально чистое понимание того, кто здесь главный. Он не просто стал приличным — он стал безупречным. Его движения обрели точность и быстроту. Он коротко кивнул и принялся за работу так, словно готовил напиток для императора. Очередь сзади, которая ещё секунду назад раздраженно гудела, внезапно затихла. Бариста аккуратно, почти нежно поставил стакан на стойку, и едва заметно поклонился, подавая его мне. Я взял стакан и вышел на улицу. Кофе был обжигающим и идеальным. Первая деталь реальности встала на то место, которое я для неё определил.

Метро

Я спустился в метро. Здесь под землей, концентрация человеческого «шума» была почти невыносимой. Сотни людей, вжатых в тесное пространство, извергали потоки тревоги, спешки и серой будничной безнадёги. Для моих новых чувств это выглядело как густой липкий туман, в котором метались грязные искры чужих мыслей. Лилит внутри меня

недовольно шевельнулась. Ей, как и мне не нравилась эта близость. В час пик здесь не было места даже для лишнего вдоха — плотная, серая масса тел, вжатых в металл. Я не стал делать резких движений. Я просто позволил своему присутствию заполнить вагон, как туману. Это не было ударом воли. Скорее — мягкое, неумолимое смещение. Мужчина, стоявший прямо передо мной, вдруг задумчиво отвёл взгляд в окно, словно что-то вспомнив, и незаметно на полшага сместился в сторону. Женщина с сумками, даже не глядя на меня, поправила лямку и плавно переступила вглубь вагона, будто ей вдруг стало там удобнее. Вокруг меня начал образовываться «карман» пустоты. Люди не пятились в ужасе — они просто, один за другим, выбирали более комфортное для них положение чуть поодаль, сами не понимая, что их к этому подталкивает. Спустя пару станций я стоял в центре небольшого свободного круга. Это выглядело абсолютно естественно. Если бы кто-то посмотрел со стороны, он бы просто увидел везучего парня, которому почему-то досталось больше места, чем остальным. Реальность не сломалась — она просто аккуратно разошлась передо мной, как вода перед носом корабля. Мир был послушен, тих и удивительно податлив.

Хищник

В этом созданном мной круге покоя я чувствовал себя неуязвимым, пока не поймал на себе чужой взгляд. Он не

был похож на липкую муть обычных людей. Это было ощущение холодного, острого лезвия, приставленного к горлу. В другом конце вагона, у противоположных дверей, стоял человек. Он был одет так же неброско как и я, но вокруг него пространство не просто расступалось — оно застывало. Поверх голов безликой толпы, наши глаза встретились и секунду мы просто смотрели друг на друга. В этой тишине не было вражды, только сухое хищное любопытство. Он едва заметно кивнул, словно приветствуя новичка, который только что получил свои первые козыри в большой игре. Лилит внутри меня напряглась, как кошка перед прыжком. А мне стало понятно: город полон таких, как я — мастеров, теней, архитекторов, и у меня наконец появился шанс войти в их тайный клуб. Вагон затормозил, двери с шипением разошлись, незнакомец вышел на платформу и, прежде чем я успел сделать первый шаг, растворился в толпе. Но ощущение холода осталось. Игра стала серьезнее.

Звонок

Я вышел на поверхность, когда солнце уже начало припекать асфальт. В кармане завибрировал телефон, осветив на экране имя из моей «прошлой жизни». Это был мой бывший куратор, человек, который месяцами выжимал из меня соки, считая своей собственностью. Раньше, один только вид этого имени вызывал у меня спазм в желудке. Сейчас я почувствовал лишь скуку. Я нажал «принять» и поднес трубку к уху.

— Ты где пропал? — голос в динамике был привычно резким, полным мелкой, суетливой власти. — У тебя срок вчера вышел. Если через час проекта не будет на почте... Я не перебивал. Я просто смотрел на свое отражение в витрине какого-то бутика и концентрировал всё то, что скопилось во мне за это утро.

Наконец он замолчал, ожидая моих оправданий.

— Слушай меня внимательно, — сказал я, чувствуя, как мой голос, превращаясь в густой чёрный свинец, течёт по проводам.

— Ты больше никогда мне не позвонишь. Ты забудешь мой номер и само моё имя. Тебе будет казаться, что меня никогда не существовало. На том конце провода воцарилась мёртвая тишина. Я почти физически ощутил, как этот человек вдруг побледнел, его пальцы разжались, и в его голове воцарилась кристальная, пугающая пустота.

— Да... — донёсся из трубки едва слышный, механический шепот.

— Я... я понял. Простите. Раздались короткие гудки. Я убрал телефон в карман. Это было последнее эхо старого мира. Я шёл по улице, и город, со всем его шумом, энергией и скрытыми мастерами, лежал передо мной как огромная, нераспакованная книга. И в этот момент я точно знал, что напишу на её первых страницах.

Моя старая квартира теперь казалась тесным коконом, из которого я вырос за одно утро. Стены, пропитанные запахом дешёвой еды и чужих неудач, давили на виски. Мне нужно было место, где бы мой взор не упирался в облезлые обои. Я вышел в центр. Туда, где старинные здания хранили в своих фундаментах тяжёлую, накопленную десятилетиями энергию денег и влияния. Я не смотрел на таблички «Аренда». Я просто шёл, позволяя Лилит внутри меня выбирать. Моё желание, пульсируя указало путь, — мимо безвкусных новостроек к величественному историческому дому с тяжёлыми атлантами у входа. Я поднялся на последний, мансардный этаж, где некогда парадные залы превратили в роскошные многоуровневые апартаменты. Дверь открыл человек в дорогом костюме, от которого за версту несло фальшивой вежливостью и острой, как бритва, жадностью.

Он явно не нуждался в деньгах и искал «идеального жильца», который не испортит его антикварный паркет. Его аура была сухой и плотной, как старая кожаная папка.

— Понимаете, — он вёл меня по залу, — здесь жили профессора, люди с репутацией. Я не совсем уверен, что ваш... формат...

Он обернулся, собираясь вежливо закончить встречу и в этот момент я позволил себе просто посмотреть на него. Без напряжения, без вспышек — я просто убрал все барьеры в своем взгляде, делая его бездонным, и стал транслировать ему спокойную, монолитную уверенность в том, что я уже

здесь живу. Что ключи в его кармане — это лишь формальность, которая должна быть улажена прямо сейчас. Мужчина замолчал на полуслове. Его взгляд наткнулся на мой и завяз в нем, как в густом меду. Его сухая аура начала медленно размягчаться. Он поправил очки, и его движения стали какими-то заторможенными, мирными. Жадность и осторожность в его глазах сменились странным узнаванием, будто он вдруг увидел во мне старого знакомого или того самого «идеального жильца», которого ждал годами.— Впрочем... — он запнулся, и на его лице появилась лёгкая, растерянная улыбка.

— Знаете, репутация — вещь субъективная. Мне кажется, вы именно тот человек, который сможет оценить тишину этого места. Он достал ключи. Его пальцы едва заметно дрожали, но не от страха, а от странного душевного подъема, который люди часто путают с интуицией.

— Давайте подпишем бумаги завтра. А ключи... забирайте сейчас. Я доверяю вам. Он ушел, даже не оглянувшись, явно довольный собой и своим «мудрым» решением. А я остался в пустой зале. Солнечный луч падал на паркет, и пылинки в нем танцевали в такт моему пульсу. Никаких спецэффектов. Просто реальность, которая мягко прогнулась под весом нового хозяина.

Союзник

Первые три недели на новом месте пролетели в странном,

тягучем упоении.

Каждый день я пробовал что - то оригинальное, пока оно мне не надоедало. Я вдруг отчётливо ощутил: когда ты можешь получить всё что хочешь, мир вокруг начинает стремительно терять краски. Мне не нужно было прикладывать усилий, чтобы добиваться целей. Стоило просто захотеть, мягко направить свою волю, и люди вокруг безропотно уступали. Беззвучно, с каким-то рабским почтением наливали мне лучший кофе в ресторанах, администраторы сами предлагали ключи от закрытых номеров, а случайные встречные соглашались с любым моим словом. Мир вокруг прогибался, как мягкий пластилин, без малейшего сопротивления. Но я заметил, что в этой покорности не было жизни. Словно я обитал в стеклянном шаре, населённом послушными, идеально настроенными манекенами. Никто со мной не спорил, никто не смотрел со злостью, страстью или искренним удивлением. Будто среди них не осталось ни одного настоящего человека...

В тот день я по привычке стоял на балконе своих апартаментов и смотрел вниз на вечернюю площадь. Отсюда, с высоты, город казался идеально отлаженным механизмом. От этого в груди зарождалась удушающая скука — по-видимому, ставшая постоянной спутницей моей новой жизни. Я нехотя отошёл к бару, плеснул себе виски, взял в руки тяжёлый хрустальный бокал и вновь подошел к окну, взглянув вниз на площадь, где копошилась серая масса. И вдруг

среди сотен одинаковых манекенов мой взгляд зацепился за точку на тротуаре. Там, прямо под ледяным дождем, стоял парень в потертой, промокшей куртке. Перед ним на шатком мольберте лежал холст и он лихорадочно что-то рисовал, с такой отчаянной, обреченной яростью, словно это был его последний бой. Каждое ломаное движение руки, наносящей мазки, казалось попыткой судорожно уцепиться за ускользающую жизнь.

Вокруг него спешили прохожие-роботы. Никто не обращившись, никто не замечал его присутствия — город стирал Художника, безжалостно пожирая его равнодушной серостью. Я скользнул по нему ментальным взглядом, ожидая нащупать привычную, податливую пустоту, но наткнулся на глухую, монолитную стену - этот парень даже не вздрогнул. Его тихая страсть, его фанатичная, глубокая преданность холсту создавали вокруг него непробиваемый кокон. И в этом хрупком внутреннем мире для Яна Смирнова не было места. Его монолит держался на чистой, искренней любви к своему делу. Мою скуку словно смыло ледяной водой! Вдруг безумно захотелось подойти к этому чужому костру, чтобы снова согреться. Он был живым — единственным живым существом на много километров вокруг. Я поставил бокал на перила и, даже не накинув пальто, быстрыми шагами пошел к лифту. Промозглый осенний ветер хлестнул по лицу, едва я вышел на улицу. Толпа покорно расступалась передо мной, освобождая дорогу. Преодолев это людское море, я подошел

к нему почти вплотную. Замерев на секунду, я взглянул в его лицо, и только теперь вблизи, парень показался мне совсем беззащитным. Его руки без перчаток посинели от холода, пальцы едва удерживали мастихин, а плечи были по-детски опущены. Заглянув ему в глаза, я увидел в них тяжёлую беспросветную муть. Это была не слепота и не безумие. Это была серость — тот самый ядовитый городской смог, который по капле впитывался в его зрачки и медленно убивал волю. В его усталом взгляде читалась безысходная тоска человека, который отдаёт миру шедевры, получая взамен лишь грязь из-под колес. Он задыхался под тяжестью собственного непризнанного дара, угасая от одиночества.

— Вы замерзли, — сказал я, остановившись в паре шагов от него. Мой голос прозвучал непривычно тихо, без малейшего намёка на ментальное давление. Парень вздрогнул, словно его вырвали из глубокого сна, и медленно повернул голову. У него был поразительный взгляд. В нём интеллигентная глубина парадоксальным образом сочеталась с липкой засасывающей муťou безысходности

— Какое вам дело? — хрипло, но спокойно ответил он, ещё глубже пряча руки в карманы куртки. В его интонации чувствовалась усталая, сдержанная обособленность. Я чуть заметно улыбнулся и перевел взгляд на картон у его ног. Сквозь грязные разводы угля там проступало невероятное, живое и тёплое солнце. Настоящее явление искусства среди серого, засыпающего города.

— Мне есть дело до того, что вы делаете, — ответил я, прямо встретив его взгляд. — Предлагаю сменить обстановку и продолжить этот вечер в более подходящем месте. Из моего окна отличный вид на город, и в запасах найдется хороший виски.

Художник внимательно посмотрел на меня. В его глазах боролись здравый смысл и обостренное чувство автономии.

— Вы приглашаете к себе случайного человека с улицы? — в его голосе послышалась тонкая, едва уловимая ирония. — Довольно эксцентричный поступок. Что вам от меня нужно?

— Собеседник, — ответил я, и это была лишь часть правды. — Человек со своим внутренним центром. В наше время это редкость. Считайте это приглашением погреться без каких-либо обязательств. Он долго молчал, взвешивая мои слова. Его тихий внутренний монолит мягко, но упрямо сопротивлялся чужому присутствию. Он не хотел быть обязанным, но холод и возможно такое же интуитивное любопытство, взяли верх.

— Хорошо, — наконец тихо произнёс он и бережно поднял свой рисунок. — Я приму ваше приглашение. Но только на правах гостя, который в любой момент может уйти. — Договорились, — согласился я. Мы пошли к дому. Я внутренне ликовал, но где-то на границе сознания у меня зашевелилась тревожная мысль. Эта серая муть в его глазах... Что, если вместе с беззащитным художником я впустил в свой иде-

альный мир ту самую безысходность, от которой так долго бежал? И что произойдет, когда его всепроникающий творческий импульс столкнется с моей абсолютной властью под одной крышей? Это одновременно интриговало и создавало напряжение.

Двери лифта бесшумно разошлись, и мой холл встретил нас своей привычной, почти музейной стерильностью: полированный тёмный мрамор, строгие линии итальянской мебели и панорамное остекление во всю стену, за которым горел вечерний город. Не было ничего, что напоминало бы о хаосе реальной жизни. Художник переступил порог уверенно, без той робкой суетливости, которая обычно охватывает случайных гостей в моем доме. Он аккуратно поставил свой испачканный углем картон прямо на зеркальный пол прихожей, прислонив его к белоснежной стене. Мой внутренний перфекционист слегка поморщился, но я промолчал.

— Располагайтесь, — я снял пальто и жестом указал на просторную гостиную. — Куртку можно оставить здесь. Хотите переодеться во что-то сухое?

— Спасибо, не нужно. Она уже подсохла, — спокойно ответил он, расстегивая молнию, но оставаясь в своей поношенной одежде. Он прошел вглубь комнаты и остановился у огромного окна, глядя на рассыпанные внизу огни. В его фигуре не было восхищения — скорее, глубокое аналитическое созерцание. Я прошел к барной стойке, достал тяжелый хрустальный декантер и плеснул на два пальца янтарной

жидкости в два бокала.

— Держите, — сказал я подойдя со спины, и протянул ему виски. В этот момент расстояние между нами было минимальным, и не удержавшись, я снова едва заметно пустил тонкий ментальный импульс, — лёгкое внушение тепла, расслабления и доверия. Настоящий гипнотический шёлк, перед которым не могла устоять ни одна моя жертва. Художник взял бокал. И ничего не произошло. Моя ментальная волна опять разбилась о глухую невидимую стену. Он даже не моргнул. Он просто сделал глоток, слегка прикрыл глаза, оценивая вкус, и повернулся ко мне.

— Хороший виски, — тихо произнес он, глядя мне прямо в глаза. В его утонченной глубине взгляда на мгновение промелькнула едва заметная ирония, словно он почувствовал мой подвох, хоть и не мог объяснить его природу. — Итак, хозяин этого замка из стекла и бетона. Мы пьем виски, смотрим на город. О чём вы хотели поговорить? Я присел на край кожаного дивана, не сводя с него глаз. Игра становилась по-настоящему захватывающей.

— Для начала я хотел бы узнать, как к вам обращаться, — ответил я, делая глоток. — И почему человек, способный заставить уголь светиться на грязной картонке, доводит себя до полусмерти, на промёрзшей улице. Художник слегка улыбнулся, глядя на дно своего бокала.

Он не спешил с ответом и медленно повернулся к окну, словно сверяя масштабы своей проблемы с огромным горо-

дом за стеклом.

— Марк, — негромко произнес он. — Можете звать меня так. А насчет улицы... Там честнее. Городской воздух вымощивает всё лишнее, оставляя только суть.

— Суть? — я немного изумился от такого ответа, одновременно наблюдая за его сдержанной пластикой. — Вы едва не замёрзли насмерть ради этой сути. Вряд ли это часть творческого метода.

— Это плата за право рисовать то, что я хочу, а не то, что у меня готовы купить, — Марк перевёл взгляд на меня. Его утонченная глубина взгляда оставалась непроницаемой. Обычные люди под моим пристальным взглядом начинают юлить или оправдываться, но этот парень говорил так, словно мы вели беседу на равных. — Когда отказываешься от компромиссов с галереями, быстро оказываешься без мастерской. А потом и без крыши над головой. Банальная история.

— Компромиссы — это часть игры, Марк, — заметил я, откидываясь на спинку дивана. — Полная независимость часто пахнет голодом и сырым асфальтом. Вы не думали, что ваш бунт бессмыслен?

— Бунт? — Марк тихо, коротко рассмеялся. — Нет. Бунт требует слишком много энергии, которой у меня нет. Это просто выбор. Я не пытаюсь сломать систему, я просто из неё вышел. А вот зачем вы вышли из своего шикарного особняка, чтобы подобрать меня? Это куда более интересный во-

прос. Кстати, как ваше имя?

— Ян, — ответил я. Марк сделал ещё один глоток, и я почувствовал, как инициатива в этом разговоре медленно, но верно выскользывает из моих рук. Мой дар молчал, а его тихий щит продолжал держать оборону, превращая обычный разговор в настоящую психологическую дуэль.

Я не торопился отвечать на его вызов. Медленно покрутил бокал в руке, наблюдая, как виски оставляет маслянистые дорожки на хрустале. Марк ждал ответа спокойно, без вызова, просто как факт.

— Зачем вышел? — я усмехнулся, глядя на него с дивана снизу вверх. — Скажем так, Марк. Мне стало скучно. В моём мире всё слишком предсказуемо. Люди, поступки, мысли — всё движется по одним и тем же рельсам. А твоё солнце на грязном картоне... оно выбивается из этого общего пейзажа. Я не люблю, когда нарушается геометрия, но ещё больше не люблю удушающую серость. Считай, что я купил себе интересное зрелище на вечер. Марк не обиделся на слово «зрелище». Он отошёл от окна, сделал пару шагов по мягкому ковру и осторожно поставил свой бокал на край низкого стеклянного столика. Движения оставались точными, интеллигентными, несмотря на лёгкую дрожь в пальцах — холод еще не полностью отпустил его тело.

— Скука — дорогой порок, Ян, — тихо заметил он, закладывая руки за спину. — Но вы ошиблись адресом, если искали здесь развлечение. Я не циркач и не комнатный ху-

дожник, который будет писать пейзажи под ваш виски.

— Я и не прошу пейзажей, — сказал я, подавшись вперед, локтями упёршись в колени. Расстояние между нами снова сократилось, и я интуитивно, уже на автомате, попытался подтолкнуть его волю, заставив согласиться. И снова — глухой удар о невидимый щит. Мой ментальный приказ в очередной раз просто растаял в воздухе, не оставив на лице Марка ни тени сомнения. Этот парень стоял в центре моей вселенной, полностью защищенный своей фанатичной преданностью ремеслу, и даже не подозревал, какую бурю внутри меня вызвала его глухота к моей власти.

— Тогда чего же вы хотите? — Марк прямо встретил мой взгляд. В его утонченной глубине глаз читалась странная, почти сочувственная пронизательность. — Вы ведь привыкли, что всё вокруг подчиняется вашему слову, верно? Это видно по тому, как вы ведёте беседу. Но у меня ничего нет, кроме моих холстов и моего угля. И это — не продаётся. Я внутренне напрягся. Он попал в самую точку, возможно сам того не зная.

В воздухе под одной крышей повисло то противостояние, которое я так отчётливо предчувствовал ещё на улице. И вместе с ним вглубь сознания снова полезла тревожная мысль. Эта серая, засасывающая муть в его зрачках... Что, если его тоска окажется сильнее моей абсолютной власти? Я подавил этот минутный страх и заставил себя улыбнуться — спокойно, даже немного покровительственно, возвращая

контроль над собственным лицом.

— Не продается, согласен, — я откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу. — Но я и не пытаюсь купить твою преданность углю, Марк. Я прагматик. Ты говоришь, что вышел из системы, но продолжаешь зависеть от её самых примитивных законов: от сырости в переулке и от куска хлеба. Это не свобода, это медленное самоубийство ради гордыни. Марк молчал, внимательно слушая. Его утонченная глубина взгляда теперь была устремлена на меня, словно он препарировал каждое мое слово. — Я предлагаю тебе чистую математику, — продолжил я, понизив голос. — Эти апартаменты огромны. Здесь тепло, и мне абсолютно наплевать, что ты будешь делать в своей комнате. Рисуи своё солнце, жги уголь, молчи неделями. Мне не нужны твои картины на стенах. Но взамен я хочу видеть здесь человека, который не заглядывает мне в рот и не пытается угадать мои желания ради очередной подачи. Считай, что плата за пребывание здесь — это твоя независимость. Мне она чертовски нравится. Художник медленно перевел взгляд на стеклянный столик, где стоял его бокал, затем посмотрел в сторону прихожей, где у белоснежной стены сиротливо темнел грязный картон. Он явно взвешивал мои слова. Мое ментальное воздействие по-прежнему не работало, но сейчас против него играли его собственный уставший организм и логика.

— Вы очень убедительны, Ян, — тихо произнес Марк, и в его голосе снова скользнула та самая мягкая ирония.

— Умеете заворачивать чужую зависимость в красивую обертку партнерства. Но пусть будет так. Посмотрим, на сколько у вас хватит терпения делить свой стерильный рай с чужаком. Да и мне самому еще предстоит узнать, как долго я смогу оставаться в этой золотой клетке, прежде чем сбегу обратно в уличную серость. Он не согласился подчиниться — он просто принял условия нашей сделки.

Мы разошлись поздно. Ночью я спал на удивление крепко и спокойно — впервые за долгое время у меня в ушах не стоял ментальный шум от чужих, вечно заискивающих мыслей. Марк выдержал мой напор, и это было чертовски круто. У меня наконец-то появился живой собеседник, освобождающий меня от ненужной внутренней словомешалки. Проснулся я в отличном настроении. Идея, как обустроить Марка, пришла сама собой — легко, без лишних раздумий. Мне просто захотелось дать этому парню размах, которого он заслуживал. Утром я застал его в гостиной. Марк стоял у панорамного окна, лениво грея пальцы о кружку с чаем. Выглядел он уже гораздо лучше — бледность ушла, а в осанке появилась спокойная интеллигентная уверенность.

— Допивай свой чай и пошли, кое-что покажу, — улыбнулся я, на ходу отхлебывая кофе. Мы спустились на лифте на нижние этажи здания. Здесь у меня было небольшое пустующее помещение со свободной планировкой. Обычная, просторная комната с хорошим дневным светом, бетонными полами и вентиляцией — идеальный вариант, чтобы устро-

ить мастерскую для художника. К утру, люди из службы доставки уже завезли сюда мольберт, подрамники, чистые холсты и коробки с качественными красками.

— Вот, — я открыл дверь и пропустил его вперед. — Твоя рабочая территория. Делай здесь всё что вздумается, работай хоть по ночам. Жилая зона наверху останется для отдыха и нормальных разговоров под виски, а здесь — пиши свои картины. Ключи у тебя есть. Марк прошёл внутрь, оглядывая комнату. Подойдя к мольберту, он поправил крепление, ладонью проверил натяжку холста, а потом обернулся ко мне. В его утонченной глубине взгляда разгорался тот самый огонь творца, который я заметил еще на улице, но сейчас в нем была еще и лёгкая, понимающая ухмылка.

— Отличная мастерская и хорошие материалы, — тихо произнёс он, качая головой. — Щедро, Ян. Пытаешься приручить дикого художника комфортом? — Пытаюсь удержать единственного человека в этом городе, который способен со мной разговаривать и не соглашаться, — честно ответил я, рассмеявшись. — Работай, Марк. Мне действительно интересно, что ты здесь напишешь.

Гость

Я сидел в кресле, наблюдая, как в сумерках один за другим загораются огни. Было необычно тихо — той приятной, глубокой тишиной, которая бывает только в огромных, еще не обжитых комнатах под самой крышей. Эту тишину нару-

шил негромкий, деликатный стук. Я даже не сразу понял, что он доносится от входной двери — звук был такой, словно кто-то просто коснулся тяжёлого дерева костяшками пальцев. Я поднялся, пересёк просторный холл и подошёл к двери. Спокойно, без лишней спешки, повернул массивный замок и приоткрыл её, потянув ручку на себя. За порогом стоял тот самый человек из метро.

Он был в тени, и его фигура казалась частью дверного проёма. Никаких эффектов, просто человек в тёмном пальто. Но я чувствовал, как реальность вокруг него вибрирует от сдерживаемой мощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.